

СПЕЦИФИКА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ОЧЕРКЕ И.С.ШМЕЛЕВА «СТАРЫЙ ВАЛААМ»

© 2013 Л.С.Конкина, В.А.Сотков

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева

Статья поступила в редакцию 19.11.2012

Статья посвящена анализу организации повествования (повествовательной ситуации) в путевом очерке И.С.Шмелева «Старый Валаам». Рассмотрено несколько типов повествовательных ситуаций, выявлены их специфика и функции. Указана особая роль автора-повествователя в формировании разных типов повествовательных ситуаций.

Ключевые слова: повествование, автор, повествователь, очерк, повествовательная ситуация, анализ, персональная ситуация, игра со временем, формы устной и письменной речи, письмо, молитва, стихира.

° Формы повествования – совокупность фрагментов текста литературного произведения, приписанных автором-творцом одному из «вторичных» субъектов изображения и речи. Их можно рассматривать как наиболее типичные формы высказывания повествователя или рассказчика наряду с описанием и характеристикой. Изучение форм повествования – одна из важнейших проблем современной филологической науки, которой посвящены труды как отечественных, так и западноевропейских исследователей. Одним из первых на формы организации повествования обратил внимание М.М.Бахтин, который связывал их с присутствием «голосов» героев и автора в романе¹.

Развивая идеи М.М.Бахтина, ученые рассматривали и решали указанную проблему в контексте речевой структуры отдельного произведения или авторской художественной системы в целом. Анализу структуры языка художественной прозы и типов повествования посвящены труды отечественных исследователей – В.В.Виноградова, Ю.В.Манна, Н.А.Кожевниковой, западноевропейских литературоведов – Ф.Штанцеля, В.Шмида и др.² Работы этих ученых могут стать теоретико-методологической основой для изучения форм пове-

ствования в произведениях одного из самых ярких прозаиков XX в. – И.С.Шмелева.

Понятие «повествовательная ситуация», введенное Ф.Штанцелем, близко, если не синонимично, термину «форма повествования». Типы повествовательных ситуаций Ф.Штанцель определяет на основе трех категорий: лица, перспективы и модуса. Категория лица – тождественность или нетождественность мира повествователя миру персонажей, категория перспективы – видение изображаемого извне или изнутри, категория модуса – изображение через персонифицированного повествователя или через сознание персонажа-рефлектора. Таким образом, возникают три типа повествовательных ситуаций: 1) «Я-ситуация» (повествование от первого лица); 2) «аукториальная» повествовательная ситуация (доминирует внешняя точка зрения); 3) «персональная» повествовательная ситуация (преобладает модус «рефлектора»).

Ю.В.Манн в работе «Автор и повествование» также обращается к понятию «повествовательная ситуация», считая этот термин наиболее приемлемым для описания типов повествования. Рассматривая на примере романа Л.Стерна типы повествования, ученый подчеркивает, что «буквально с первой фразы романа ясно, что выбрана форма рассказа от первого лица <...>. Обычно такую форму называют у нас «Я-повествованием»; однако в интересах точности следует видеть в этом именно ситуацию, в которую поставлен рассказчик и в которой ведет он свое повествование»³. Вслед за Ф.Штанцелем Ю.Манн выделяет аукториальную и персональную повествовательную ситуации, называя последнюю нейтральной.

Е.В.Падучева в статье «В.В.Виноградов и наука о языке художественной прозы» приводит классификацию повествовательных форм:

³Манн Ю.В. Автор и повествование. – М.: 1991. – С. 10.

° Конкина Лариса Семеновна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы. E-mail: lskonkina@mail.ru

Сотков Виктор Александрович, студент 5-го курса отделения «Русский язык и литература». Филологический факультет. E-mail: sotkov_va@mail.ru

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: 1972.

² См.: Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М.: 1980; Манн Ю. В. Автор и повествование // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1991. – Т. 50. – № 1. – С. 3 – 19; Коженикова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. – М.: 1994; Stanzel F.R. Theorie des Erzählung. – Göttingen, 1991; Шмид В. Нарратология. – М.: 2003.

1) Повествование от 1-го лица. Повествователь диегетический (рассказчик): он сам принадлежит миру текста; 2) Повествование без 1-го лица. Повествователь экзегетический, не принадлежащий миру текста; 3) Свободно-косвенный дискурс, который характеризуется тем, что повествователь (экзегетический) частично уступает персонажу свое право на речевой акт. Возникает литературная фигура – говорящий в 3-м лице, невозможный в разговорном языке⁴.

Наконец, «Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий» (под ред. Н.Д.Тамарченко) рассматривает данное понятие «как типическое положение субъекта повествования по отношению к предмету изображения»⁵.

В сущности, как можно видеть, все исследователи строят классификацию повествовательных ситуаций, исходя из одних и тех же категорий, поэтому и принципиальных различий в предлагаемых ими типах нет. Обращаясь к анализу повествовательных форм (повествовательных ситуаций) очерка И.С.Шмелева «Старый Валаам», следует опираться на три основных типа – я-ситуация, аукториальная и персональная.

Очерк «Старый Валаам» (1935) И.С.Шмелева начинается с «введения», в котором рассказано, как он возник. А возник он из путевых заметок, отразивших «много впечатлений, ощущений» «юного двадцатилетнего студента», «шатнувшегося от Церкви». В данном случае И.С.Шмелев имеет в виду первый вариант своих путевых очерков – «книжку» «На скалах Валаама», написанную в 1897 г. и отразившую факты и впечатления И.С.Шмелева – тогда еще студента Московского университета от поездки на Валаам с молодой женой. «Введение» проникнуто личным и глубоко драматичным ощущением прошедшего времени: многое пережито, передумано и переосмыслено писателем: потеря единственного и горячо любимого сына, России и всего того, что и составляло жизнь Шмелева до 1917 года. Отсюда и форма повествования от первого лица с предложениями, избыточными местоимением «я» и его формами: «я, юный двадцатилетний студент», «я вынес много впечатлений», «в это время многое переменялось и во мне», «я вспомнил светлую страницу», «и я подумал, что полезно будет вспомнить о нем»⁶.

⁴ Падучева Е.В. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы. – М.: 1995. – С. 42.

⁵ Лобанова Г.А. Повествовательная ситуация // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: 2008. – С. 169.

⁶ Шмелев И.С. Лето Господне. Повести. Рассказы. – М.: 2010. – С. 690 – 691.

Помимо этого первого сигнала, в виде личного местоимения «я», которое вводит «Я-ситуацию», введение знакомит читателя с автором-рассказчиком и главным героем повествования – человеком, вспоминая свою давнюю поездку на Валаам, людей и события, с ней связанных. Так возникает предпосылка для присутствия в очерке всех типов повествовательных ситуаций, в которых и герой рассказа, и автор-рассказчик постоянно меняются местами, создавая своеобразную повествовательную ткань. Например, слова, окрашенные глубоко личным переживанием событий, о которых рассказывается в очерке: «Я спрашивал себя: а я по какому делу? И – не знаю», сменяются описательным: «Плывем в тихих проливах, среди целой щетины «шхер». Это надводные камни, гряды, поросшие тощей елкой. В береговых утесах виднеются деревни, крытые светлой дранью, желтые тощие полосы – овес, ячмень. «Кронобор!» – кричит штурман. Деревянная «лютерова» церковь с тонким шпилем. Сумрачные финны, в куртках в крепких тяжелых сапогах, курят трубки: ни улыбки под их разухими шляпами»⁷.

В приведенном отрывке ясно видно, как внутренний взор автора-рассказчика обращается к себе: «Я спрашивал себя»; затем переходит вовне: «В береговых утесах виднеются деревни...»; и, наконец, в модус рефлексора: «лютерова церковь», «неулыбчивые финны» в «разухих шляпах».

Проследим, придерживается ли И.С.Шмелев выбранной формы повествования или же он отступает от намеченной повествовательной ситуации. Ю.В.Манн по этому поводу говорил, что «нет такого художественного правила или приема, от которого нельзя было бы отступить...», а наиболее важным является не механически выявленная повествовательная ситуация или ее смена, а возможность увидеть обусловленность выбора ситуации конкретным авторским замыслом.

В начале третьей главы «Глас в ночи» автор-рассказчик и он же герой повествования, будучи в полусонном состоянии переносится в прошлое, в гимназию, где он обучался. Ю.В.Манн подчеркивает, что «авторское повествование не трансформируется обычно сном, грезами, призрачными представлениями и т.д., что субъективный план автора и персонажей имеет достаточно четкий водораздел»⁸. Действительно, повествовательная ситуация осталась неизменной, но поменялась тональность рассказывания, поскольку меняется рассказчик. Теперь это – подросток-гимназист, и в повест-

⁷ Шмелев И.С. Лето Господне... – С. 694.

⁸ Манн Ю.В. Автор и повествование... – С.17.

вовании появляются нотки юношеского, почти детского задора: кругло-лысая голова швейцара по прозвищу Цезарь, «радостный звонок», означающий конец урока латинского языка и «знакомое чувство – как-нибудь увильнуть от спевки» и оказаться дома, где «в саду дожидается недоделанный каток»⁹. Смещение сна и реальности (поскольку монах, действительно, сзывает богомольцев на молитву: «Пению время – мо-ли-тве ча-а-ас!») необходимо прежде всего для характеристики внутреннего состояния героя-рассказчика для разрежения атмосферы вокруг него: «Я чиркаю спичкой, смотрю на свои часы – только без пяти час... самая ночь глухая! – и слышу, как ударяют в колокол, будто Святой Ночью! Радостное во мне волнение. Все уходит, надо и мне... – но сон обрывает мысли»¹⁰.

Далее повествование переключается на две истории, рассказанные братом Василием. Первая, повествует об искусителе, который своим злым намерением пытался отвратить молодого тогда еще монаха Василия с праведного пути, и только своевременный совет старца о необходимости молиться спасает его душу. Так возникает повествовательная ситуация «рассказ в рассказе», где возможность повествовать, передается другому персонажу, брату Василию.

Вторая, рассказанная им история, названная «притчей», о попугае архиерея, который выучил только одну фразу, часто повторяемую архиереем при наставлении других – «Не дерзни!». Неторопливость и назидательность повествования не дают возможности усомниться в правильности обозначения жанра. Форма повествования не изменяется, но манера повествования снова приходит в движение, в рассказе появляются лексические средства, раскрывающие сердечную близость нового повествователя к церкви, например, библейские сравнения «в миру у вас все, как овцы без пригляда», фразеологизмы «как у Христа за пазушкой», глаголы с ясно выраженной высокой окраской «воззрился», «возвестил», эвфемизм – «враг спасения». Включенные в единый ритм рассказывания эти истории контрастируют с предыдущей манерой повествования, вносят иную интонацию – доброго назидания, ненавязчивого поучения.

Смена повествовательных ситуаций происходит и в четвертой главе «У отца Настоятеля. Чудеса», где помещен рассказ отца Федула об отце Леониде, благословленном на изготовление хомутов для колокола настоятелем отцом Дамаскиным. Отец Федул не принадлежит

миру текста, он созерцает ситуацию извне, являясь лишь сторонним наблюдателем, пересказчиком старинной истории. «Аукториальное» повествование позволяет разнообразить подачу новых сюжетов. Это необходимо потому, что манера рассказывания отца Василия и отца Федула очень похожи, оба они – монахи и одновременно простые люди, отчего и речь их проста и одновременно «установка» – «здесь без благословения ни шагу, строго»¹¹. И авторский «голос» вклинивается в их рассказы глубоко личным воспоминанием: «Слышится мне родное, простое, трудовое, – и грусть, и вскрики. И голоса – простые, простонародные. Слышится мне родное: певали так артелью у нас, бывало... Мне нравится»¹². В каждом случае введения нового рассказчика И.С.Шмелев, тонко чувствуя текст, использует, как в данном случае, смену повествовательной ситуации.

Очередная смена повествовательной ситуации происходит в седьмой главе, где преобладающая в очерке форма повествования от первого лица преобразуется в «персональную» повествовательную ситуацию. О строительстве Валаамского водопровода рассказано самим главным героем. Здесь И.С. Шмелевым использована языковая форма отреченности от авторства – «монахи рассказывают». Но в целом это не влияет на форму повествования: данный прием используется для придания авторскому рассказу объективности – реальности событий, героев, фактов, а в результате – для придания особой достоверности рассказанной истории. Здесь нет четкого разделения по тональности повествования организуемого от первого лица и «персональной» ситуации, это объясняется тем, что повествователем в обоих случаях является главный герой с характерной для него манерой речи.

Немаловажное место занимают в очерке «Старый Валаам» формы письменной речи – завещание, письмо и лирические строки – «стишок», который сочинил рясофорный монах о. Петр, «спасающийся в скиту Александра Свирского», «на горе». Скит этот дальний, глухой, подвижнический. О. Петр готовится там принять полный чин ангельский»¹³. Стихотворение передает чувства лирического героя, наполненного любовью к Валааму, к обители, воздвигнутой в этом суровом краю, и Богу. Текст стихотворения формально завершен, обособлен от остального повествования и имеет свою тему, идею, образную систему. Такая повествовательная ситуация направлена на

⁹ Шмелев И.С. *Лето Господне*.... – С. 703.

¹⁰ Там же. – С. 704.

¹¹ Шмелев И.С. *Лето Господне*.... – С.712.

¹² Там же. – С. 713.

¹³ Там же. – С. 743.

то, чтобы усилить впечатление от авторского отношения к прекрасному, чистому и духовно наполненному кусочку земли – Валааму:

О, дивный остров Валаам!
Рука божественной судьбы
Воздвигла здесь обитель Рая,
Обитель вышней чистоты

Стихи просты и незамысловаты, как прост и «рыжий послушник», который их поет. О дальнейшей судьбе «рыжего послушника» рассказывает письмо, написанное читателем первой «книги» Шмелева – «На скалах Валаама». В нем сообщается, что «рыжий», который молодым и веселым юношей-послушником был мало похож на постника и молитвенника, «впоследствии настолько остепенился, что принял монашество, священство и даже великую схиму, и теперь в великом смирении свершает свой великосхимнический подвиг»¹⁴.

В письме, присланном главному герою кем-то «хорошо знавшим Валаам», раскрывается имя послушника – Георгий. Кроме того читатель узнает о двух иноках Сергии и Германе, которые «святостью своего подвижнического жития» снискали к себе уважение в миру. С включением в очерк «Старый Валаам» эпистолярного жанра – письма, организация повествования принимает иные формы. Рассказчиком в этом случае становится неизвестный автор письма, смотрящий извне на все вокруг него происходящее, следовательно, появляется «аукториальная» повествовательная ситуация. Данный прием раздвигает границы времени, потому что между свадебным путешествием реального автора «Старого Валаама» и письмом неизвестного адресата промежуток времени, равный почти половине века, точнее сорока годам – «давно забытые – сорок ведь лет прошло с той поры!»¹⁵). А текст письма, история, описанная в нем, охватывает этот же временной промежуток – сорок лет, прошедшие со времени свадебной поездки и отъезда с Валаама двух иноков – Сергия и Германа.

Так, И.С.Шмелев «играет» со временем: оно ему подвластно, и читатель не может оставаться сторонним наблюдателем – он становится невольным путешественником не только по острову, но и во времени, поскольку каждый рассказ в очерке – это лифт, уносящий его либо в далекое прошлое, в период становления монастыря, либо в будущее.

В главе «Строитель Валаама. Николай Смиранный. Странник» представлена еще одна из форм письменной речи – отрывок из завещания о. Дамаскина: ««Я всю жизнь любил

Валаам, любил каждого из вас. Мое сердце всегда было открыто для нужд ваших... Но я был человек грубый, простой, необразованный – естественно, что искренняя, глубокая моя любовь к вам иногда не находила себе приличных внешних выражений». Это писал крестьянин, не получивший в миру никакого образования»¹⁶. Строитель Валаама, игумен Дамаскин, представлен через персонифицированного повествователя, которого нет возможности видеть воочию, вычленив из истории, так как он не является ее частью, он вне этого рассказа, за его границей. Глубокая, яркая, несколько похожая на житие история о. Дамаскина является кульминацией всего очерка. О. Дамаскин – личность незаурядная, «замечательный хозяин, строитель, строгий подвижник, железный характер», человек, приведший Валаам к процветанию. Не случайно, что историю этого простого человека «из крестьян», великого подвижника и строителя не разрешается поведать никому из персонажей очерка.

При рассмотрении форм повествования важно избежать смешения двух понятий – движения сюжета и повествования. В данном случае такой сюжетный ход, как встреча автора-рассказчика с новыми персонажами дает возможность И.С.Шмелеву разнообразить формы организации речевого материала: диалога и монолога, портрета и характеристики персонажей, а также сообразно общему авторскому замыслу располагать рассказанные ими истории – брата Василия («Глас в ночи»), о. Федула («У о. Настоятеля. Чудеса»), инока Серафима («Святости»), старика-богомольца («Рассказ странника») и др.

Итак, рассмотрев ряд повествовательных ситуаций в очерке «Старый Валаам», следует сделать следующие выводы. Введение разнообразных форм повествования придает всему произведению характер достоверного рассказа о людях и событиях. Голос автора, как и голоса его героев-рассказчиков, также вносят разные интонации: непринужденной беседы, истории, донесенной устным преданием, рассказа о судьбах героев, представленного в письме, и т.д. Все эти формы разнообразят и само «событие рассказывания», которое отделяет историю поездки на Валаам автора, от историй его героев. Авторская точка зрения нигде не преобладает, хотя он всегда присутствует и этим определяет ход всего повествования, «собирает» его в единое целое.

Шмелевское повествование свидетельствует о широких возможностях, которые заложены в использовании такой формы организации ху-

¹⁴ Там же. – С. 746.

¹⁵ Там же. – С. 746.

¹⁶ Шмелев И.С. Лето Господне. Повести. Рассказы. – М., 2010, с. 760.

дожественного материала и характерно и для других его произведений, в том числе повестей «Лето Господне» и «Богомолье», романа «Пути Небесные» и др. Исследование художест-

венной ткани произведений Шмелева открывает широкие возможности изучения творческого метода одного из выдающихся русских писателей XX века.

**THE SPECIFIC OF NARRATION IN THE SKETCH BY I.S.SHMELEV
«THE OLD VALAAM»**

© 2013 L.S.Konkina, V.A.Sotkov^o

Mordovian State University after N.P.Ogarev

The article is devoted to the analysis of the travel essays in the book by I.S.Shmelev «The Old Valaam». The article clears up several types of narration situations, its specification and functions. The article points out the particular role of the author in the formation of the narration forms.

Key words: narration, author, narrator, sketch, narration situation, analysis, personal situation, time games, forms of oral and written speech, letter, prayer, verses.

^o *Konkina Larisa Semenovna, D. Ph., Professor.*

E-mail: lskonkina@mail.ru

Sotkov Victor Aleksandrovich, the student of Russian Literature Department of Filological faculty.

E-mail: sotkov_vd@mail.ru